Гу Дашунь немного неохотно подошел, неся свою поклажу в руках, держась на десяток шагов позади остальных.

Сяо Люлань слегка наморщил лоб, когда Гу Цзяо перед тем, как опустить занавес кареты, подала ему знак не выходить.

Гу Цзяо повернула голову и посмотрела на Чжоу Ши: «Что ты здесь делаешь?»

«Как зачем, что ты такое говоришь? Мой зять уезжает в столицу провинции сдавать экзамены, разве я могу не прийти, чтобы проводить его? Смотри, это маленький подарок от тети!» - сказала Чжоу Ши и протянула Гу Цзяо корзину с яйцами.

Гу Цзяо знала, что она задумала, и не протянула руку, чтобы взять корзину.

Смутившись, Чжоу Ши бросила на мужа многозначительный взгляд.

Гу Чанхай слегка кашлянул и сказал Гу Цзяо: «Девочка Цзяо, на этот раз путь в столицу провинции долог, а у Люланя проблемы с ногами, так почему бы Дашуню не поехать с ним, чтобы он мог позаботиться о нем по дороге?»

«Кто о ком будет заботиться?» - бесстрастно спросила Гу Цзяо.

Даже несмотря на то, что Сяо Люлань был калекой, он выполнял больше работы, чем Гу Дашунь, абсолютно здоровый и трудоспособный мужчина.

Гу Дашунь был просто избалованным ребенком, который не умел ничего делать, кроме как учиться, и был обузой, которую придется тащить на себе.

Гу Чанхай поперхнулся.

Он был родным отцом Гу Дашуня и поэтому до сих пор не понимал, что последний совершенно не мог позаботиться о себе после ухода из дома, и даже приносил всю свою одежду из общежития домой, чтобы ее постирали.

Если бы это было не так, как бы он мог умолять Гу Цзяо и просить Сяо Люланя взять его с собой?

Изначально Гу Чанхай собирался сам отвезти Гу Дашуня в столицу провинции, но сейчас семья Гу переживала трудные времена и не могла позволить себе оплатить проезд для них двоих.

Он также слышал о недавнем репетиторстве Сяо Люланя. Его ученик был из большой семьи в

столице провинции, которая не испытывала недостатка в деньгах. Если он оставит Дашуня им, то они не только сэкономили бы на проезде, но и избавились бы от необходимости платить за его еду и одежду на протяжении всего пути.

Он серьезно сказал: «Девочка Цзяо, я обидел тебя в прошлом, но твой старший брат никогда не обижал тебя, верно? Твой старший был настолько озабочен учебой, что не знал, что правдиво, а что ложно в наших обидах и недовольствах, и никогда не вмешивался. Твои родители любили твоего старшего брата, когда были живы, так как же ты можешь спокойно смотреть, когда он страдает?»

Это правда, что Гу Саньфан и его жена любили Гу Дашуня, когда были живы, но как Гу Дашунь, которого любили они, относился к предыдущей владелице тела?

Когда над предыдущей владелицей тела издевались, разве Гу Дашунь хоть раз заступился за свою сестру и сказал хоть слово в ее защиту?

Даже в том сне, который она видела, Гу Дашунь ложно обвинил своего шурина Сяо Люланя из корыстных побуждений. В итоге, он не сделал этого, но не потому, что его мучила совесть, а потому, что Гу Цзяо заранее вмешалась.

Так что даже если оставить в стороне конфликт между Гу Цзяо и старшими семьи Гу, Гу Дашунь отнюдь не невинная овечка!

Чжоу Ши сказала: «Правильно, девочка Цзяо, пусть они возьмут с собой Дашуня! Посмотри, как просторна эта большая карета, еще один человек не будет проблемой! Просто позволь Дашуню сесть в нее!»

«Гроб под землей тоже довольно просторный, почему бы вам не зайти и не прилечь?» Старушка небрежно вышла.

Деревенские жители фыркнули от смеха, когда тетушки Люланя открывала рот, она никогда не разочаровывала их.

Чжоу Ши поперхнулась и чуть не забыла, как дышать: «Как у тебя язык повернулся сказать такое?»

Старушка развела руками: «Я хотя бы говорю языком, ты же для этого используешь задницу?»

Чжоу Ши от гнева чуть не упала навзничь!

Жители деревни захлебывались от смеха.

Это было язвительное замечание по поводу того, что ее слова были всего лишь словесным поносом. Но Чжоу Ши могла винить только себя в том, что сама вырыла себе яму. Разве она не знала, что нет ничего под этим небом, на что эта старуха не смогла бы ответить?

В конце концов, она была абсолютной чемпионкой дворца по словесным баталиям, и гарем из 3000 женщин был приведен ею в полный порядок. Что такое Чжоу Ши по сравнению с ней?

«Они уже даже не дети из семьи Гу, так почему вы все еще полагаетесь на них? Что с вами не так?» Старушка указала на Гу Дашуня, стоящего неподалеку: «Если вы действительно хотите, чтобы его взяли с собой, тогда ладно, но давайте договоримся на берегу, что поедет он не в качестве родственника Люланя, а для того, чтобы заботиться о Люлане».

Гу Чанхай вежливо сказал: «Это естественно! Это естественно!»

Все хорошо, пока Дашунь мог сесть в карету. И даже если бы Дашунь действительно не стал бы заботиться о Люлане, разве смог бы Люлань выгнать Дашуня? Репутация ученого имеет первостепенное значение. Если Сяо Люлань действительно осмелится сделать это, то они пойдут в ямэнь и поднимут шум, чтобы опорочить его репутацию!

Старушка сказала: «Слова бездоказательны, основанием служит лишь документ. Сяошунь, принеси сюда кисть и бумагу».

Гу Сяошунь пошел в западную комнату и принес кисть и бумагу.

Старушка медленно сказала: «Пропишем все четко: Гу Дашунь встает каждый день в иньши**, покупает завтрак для Люланя, гладит его одежду, будит его каждое утро, помогает Люланю переодеваться, и, конечно, следит за свежестью воды для умывания лица и полоскания рта, которую должен менять лично, а также стирает одежду Люланя и чистит его ночной горшок».

Выражение Чжоу Ши резко изменилось: «Почему он должен чистить его ночной горшок?»

Старушка проигнорировала ее и продолжила: «Когда погода жаркая, он должен обдувать Люланя веером, когда много комаров, он должен отмахивать их. Он может спать только тогда, когда Люлань спит, и, если последний просыпается посреди ночи, он тоже должен проснуться. Короче говоря, если у моего Люланя есть какие-то потребности, он должен удовлетворять их безоговорочно, никаких разговоров, никакого неповиновения, иначе Люлань может избить его!»

«Ты … Ты …» Чжоу Ши была так зла, что ее сердце болело, она почти прислонилась к телу Гу Чанхайя, однако лицо последнего выглядело не лучше.

Чжоу Ши запричитала со слезами на глазах: «Односельчане, рассудите! Что это за забота? Очевидно же, что с моим Дашунем хотят обращаться как со слугой!»

Старушка выглядела невинной: «А? Это с ним-то как слугой? А столько лет ваша семья Гу так обращалась с сиротой из третьей ветви. Я думала, что вы обычно так и заботитесь о людях из семьи Гу!»

Чжоу Ши не могла больше держать лицо, поэтому она вместе с мужем и сыном в гневе покинула дом Гу Цзяо.

Гу Цзяо подняла занавес кареты и передала Сяо Люланю мешочек с деньгами: «Я положила в него несколько кусочков серебра и бумажных банкнот***».

Десять таэлей серебра кусочками, сто таэлей в виде бумажных банкнот, а еще внутри также находилась бронзовая бирка банка, только зашитая более скрытным способом.

Сяо Люлань кивнул, взял мешочек с деньгами и сказал ей: «Нам пора».

«Да». Гу Цзяо кивнула и смотрела, как карета выезжает из деревни и скрывается из вида, только тогда она повернулась и вошла в дом.

Гу Цзяо посмотрела на пустую западную комнату и сказала: «Ох, он действительно уехал».

Как только слова покинули ее рот, она заметила внезапно появившуюся дополнительную тень на полу, она замерла и обернулась, чтобы увидеть Сяо Люланя, который каким-то образом появился у двери.

«Почему ты вернулся?» - спросила она с широко раскрытыми глазами.

Сяо Люлань пристально посмотрел на нее: «Оставил кое-что».

Гу Цзяо смотрела на него, пока он шел к ней, и в ее голове вдруг вспыхнула серия маленьких красных сердечек: Это я? Это я? Это я?

Ты оставил меня?

Гу Цзяо моргнула и посмотрела на него.

Затем он прошел мимо Гу Цзяо.

Гу Цзяо: «…»

Сяо Люлань вышел из западной комнаты с результатом провинциального экзамена на получение первой ученой степени: «Без этого я не смог бы войти в экзаменационный зал».

Гу Цзяо открыла дверь с ничего не выражающим лицом: «Не торопись идти, я не буду тебя провожать».

Сяо Люлань взглянул на нее с многозначительным блеском в глазах. Выйдя из дома, он вдруг остановился на месте: «Если я скажу, что независимо от окончательного результата, я все равно не поеду в столицу государства на экзамен, ты все еще считаешь, что мне стоит поехать и сдать экзамен в этот раз?»

«Да». Категорично сказала Гу Цзяо, глядя ему в спину: «Я надеюсь, что ты не поедешь в столицу государства в будущем, потому что сам решил для себя не ехать, а не потому, что ты не был квалифицирован для этого».

Большая ладонь Сяо Люланя сжалась, в его глазах промелькнул намек на сложность: «Тогда, если .....».

Гу Цзяо улыбнулась: «Если возникнут беда или опасность, я буду защищать тебя».

Это было не то, что он имел в виду, но ..... в груди Сяо Люланя необъяснимо всколыхнулась странная эмоция.

На этот раз он действительно ушел.

Гу Цзяо вернулась в западную комнату и нашла на столе дополнительный конверт.

Гу Цзяо открыла его, и из конверта выпала бронзовая бирка банка.

«Он так быстро узнал ...»

Возвращение за оставленным результатом провинциального экзамена было неправдой, и он просто хотел отдать мне обратно бирку банка, верно?

Внутри конверта также была небольшая записка.

Гу Цзяо теперь могла прочитать довольно много слов, она открыла письмо и увидела, что оно было написано четким и элегантным почерком: Я не буду жить в доме семьи Линь, так что ни к чему пить уксус*.

Два слова "пить уксус" были написаны особенно энергично и напористо. Гу Цзяо странно нахмурилась. Как она могла не заметить в этой ничем не примечательной записке немного показного тона?

Примечание:

* - пить уксус – обр.выражение - ревновать, быть ревнивым;

** - иньши - время от 3 до 5 утра;

*** - самая первая бумажная банкнота появилась именно в Китае, что обусловлено тем, что Китай владел технологией изготовления бумаги. Она была названа «цзяоцзы» (летающая купюра) и была создана в начале правления династии Северная Сун (960-1127).

Перевод: Флоренс

http://tl.rulate.ru/book/63867/2140163